

## ЧИТАТЕЛЬСКИЙ КРУГОЗОР ПЕРСОНАЖА КАК РЕСУРС ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

*Стаття присвячена аналізу одного з ключових епізодів поеми А. С. Пушкіна “Будиночок у Коломні”. На підставі спостережень над текстом роману Ф. А. Еміна “Надзвичайна пригода Мірамонда” висунута гіпотеза, згідно з якою поведінку головної героїні “Будиночка в Коломні” може бути пояснено її знайомством з романом Еміна, про що прямо свідчить текст поеми.*

**Ключові слова:** *читацький досвід; інтерпретація; персонаж-читач; алюзія; ремінісценція.*

Творчество Ф. А. Эмина чаще всего привлекает научное внимание, как правило, в контексте обсуждения тех или иных источников, на которые опирался этот писатель, создавая свои художественные и исторические сочинения. Так, несколько обширных исследований посвятил анализу компиляционной составляющей в произведениях Ф. Эмина В. Д. Рак. Характерной особенностью статей В. Д. Рака является, однако, внимание к той стороне текстов Эмина, которая обнаруживает оригинальность мысли писателя, проявляющуюся в обработке чужих идей. В сущности, по мнению исследователя, Эмин прибегал к заимствованию вовсе не из скудости собственного воображения или нехватки образования. Довольно часто его склонность к компиляции объясняется внешними обстоятельствами разнообразного свойства, в том числе – невозможностью прямо высказывать свои, довольно радикальные подчас, социально-политические убеждения. В последней из статей на эту тему В. Д. Рак, проанализировав на этот раз влияние на Эмина идей итальянского писателя Траяно Бокалини, приходит к следующему заключению: “Подробный анализ всех бесчисленных разнообразных компиляторских и авторских изменений, допущенных при использовании в “Непостоянной фортуне” фрагментов из сочинений Боккалини, существенно, без сомнения, обогатит и расширит представление об идейных позициях и творческой манере выдающегося русского литератора-компилятора, которого каждое новое посвященное ему исследование поднимает все выше и выше с малозначимого места, отводившегося ему ранее в литературном процессе 1760-х гг.” [6, 102].

Особенно знаменательным нам представляется последнее замечание ученого. В самом деле, очевидная несводимость художественного своеобразия произведений Ф. А. Эмина к заурядной компиляции подает надежду на постепенную переоценку историко-литературной значимости этой фигуры. Эти надежды тем более основательны, что сомневаться в заметной роли Эмина в идеологической и эстетической полемике середины XVIII века не приходится: его романы и, особенно, трактат “Путь ко спасению” расходились большими тиражами, его журнал “Адская почта” положил начало жанровой традиции в русской сатирической журналистике.

Читательский успех способствовал и первому роману Эмина, “Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда”. Приведем современную оценку этого произведения: “...в своем первом романе Эмин создал своеобразную энциклопедию форм романного повествования и жанровых разновидностей романа. Роман-путешествие, соединяющий в себе документально-очерковое и вымышленное авантюрное начало, любовный роман, роман-воспитание чувств, волшебнo-фантастический роман, психологический роман, просветительский роман – в “Похождении Мирамонда” представлены все эти жанровые тенденции романного повествования” [6, 232].

Романы Эмина, впитавшие в себя европейские литературные тенденции того времени, стали важным звеном в идейно-эстетической эволюции русской литературы XVIII века; его романы в нерасчлененном виде содержали в себе многие направления будущего развития русской прозы. Неудивительно, что читающая публика увлекалась его романами: в них приоткрывался большой мир европейской цивилизации, к которой тяготела обновленная Петром Россия. Литература как новое измерение культурной жизни создавала себе почву и формировала аудиторию именно с помощью таких произведений, как “Похождение Мирамонда”. Эта аудитория не имела четких эстетических критериев, литература сама претендовала на их формирование. В то же время, роман как жанр сразу стал проблемой с точки зрения своего общественного назначения. Г. Н. Моисеева и Ю. В. Стенник упоминают в этой связи мнение С. Порошина, переводчика, коллеги Ф. Эмина по работе в Сухопутном шляхетском корпусе: “С исторической точки зрения важнее всего то, что, говоря о воспитательном значении романов, Порошин имел в виду совсем особого читателя, не принадлежавшего к интеллектуальной элите, на которую ориентировалась высокая поэзия классицизма. Такой более демократический подход к литературе был ответом на появление в

России XVIII в. широкого читателя в собственном смысле слова. С одной стороны, читателя создавало все большее распространение грамотности; с другой – образование перестало быть привилегией богатого дворянства. К этой читательской массе, не имевшей больших знаний, но стремившейся к ним, и обращалась романистика, одновременно порождая и умножая число читателей” [7, 594].

Именно в этот период становления литературоцентричного сознания наметилась коллизия, на годы и десятилетия разделившая русских писателей в их отношении к проблеме назначения литературы.

Почти через сто лет А. С. Пушкин в неопубликованных строфах “Домика в Коломне” писал:

Пока меня без милости бранят  
За цель моих стихов – иль за бесцелье, –  
И важные особы мне твердят,  
Что ремесло поэта – не безделье,  
Что славы прочной я добьюся вряд,  
Что хмель хорош, но каково похмелье?  
И что пора б уж было мне давно  
Исправиться, хоть это мудрено<sup>1</sup>. (371)

Как видно, поздний Пушкин и его литературные оппоненты расходились именно в вопросе о характере взаимоотношений искусства и жизни: должна ли литература способствовать улучшению нравов, просвещать, как считали первые русские романисты – или служить “отвлеченным” идеалам чистой поэзии? Весьма убедительна точка зрения, согласно которой “Домик в Коломне” содержал ответ Пушкина на многочисленные упреки в “беспредметности” его поэзии. Однако, как кажется, до сих пор не было предложено убедительное описание того, как именно Пушкин отповедал своим противникам.

В данной статье изложена гипотеза, согласно которой “Домик в Коломне” свел в извечном споре А. С. Пушкина и ... Ф. А. Эмина.

Ясность постановки проблемы требует краткого обзора истории восприятия и интерпретации “Домика в Коломне” русским литературно-критическим сознанием. В. Г. Белинский назвал эту поэму “игрушкой, сделанной рукою великого мастера”; вот что писал о ней П. В. Анненков: “Когда в сокращенном виде напечатана она была в “Новоселье” 1838 года, то почти всеми принята была за признак конечного падения нашего поэта. Даже в обществах старались не упоминать об ней в присутствии автора, щадя его самолюбие и покрывая снисхождением печальный факт преждевременной потери таланта. Пушкин все это видел, но уже не сердился и молчал. Толки и мнения он предоставил тогда собственной их участи – проверке и действию времени” [1, 383]. М. Гершензон посвятил “Домику...” значительное место в своей книге “Мудрость Пушкина”. Одно из его соображений по поводу смысла этого произведения звучит так: “В духе объективного художественного творчества “Домик в Коломне” никогда не удастся понять осмысленно: с этой точки зрения он неизбежно представляется нелепым произведением, несмотря на отдельные его красоты” [3, 140]. Это, по-видимому, не следует понимать как отрицание за поэмой какой бы то ни было художественной ценности: Гершензон предлагает психолого-биографическую трактовку поэмы, что, однако, не может претендовать на полноценную “реабилитацию”. В таком ракурсе содержание “Домика в Коломне”, как представляется, вновь отчуждается от круга общезначимых эстетических ценностей, как и в оценке Белинского.

Новейшие исследования открыли новые интертекстуальные грани пушкинской поэмы. Так, С. А. Фомичев предложил в качестве иронически обыгранного в поэме прецедента “Освобождение Иерусалима” Торквато Тассо [см. 10]. Это мнение, однако, оспорил А. Демин: “... интерпретация “Домика в Коломне” как скрытой пародии на “Освобожденный Иерусалим” в ответ на упреки по поводу нежелания воспевать победы рус. оружия (С. А. Фомичев) не может быть признана обоснованной достаточно убедительно, а связанная с нею атрибуция одного пушкинского портретного рисунка как изображения Тассо ... предложена без доказательств” [4].

Л. Вольперт, подчеркнув, что “ироническая трактовка традиционных схем, сюжетов и образов, характерная для Пушкина в период болдинской осени (*Повести Белкина, Маленькие трагедии*), определяет и своеобразие сюжета *Домика в Коломне*” и, отдав должное оригинальности гипотезы С. Фомичева, предложила в качестве прецедентного фона “Любовные похождения кавалера Фобласа” Луве де Кувре: “Он (Пушкин. – О. Ч.), несомненно, знал богатую античную и фольклорную традицию обработки мотива “переодетого мужчины” в итальянской и французской новелле, в итальянской комедии, у Лафонтена, Лесажа и в традиционной русской повести XVII-XVIII вв. ... Однако в *Фобласе* мотив “переодетого мужчины” наиболее детально разработан, для Пушкина это самая свежая интерпретация, к тому же французская традиция ему ближе других... Была ли подобная ассоциация у Пушкина или ее не было, *Фоблас*, как

классический образец обработки мотива переодевания, представляет собой при раскрытии пародийного характера пушкинской поэмы удобный пример для сопоставительного анализа” [2, 135-136].

Не приходится оспаривать значимость литературной игры в творчестве Пушкина, однако, не представляется продуктивным сводить к такой игре все содержание того или иного произведения, в частности, “Домика в Коломне”. Эпизод с переодеванием в женское платье, введенный Л. Вольперт в широчайший мотивный контекст, несет в пушкинской поэме существенное отличие от множества сходных моментов в мировой литературе. Дело в том, что остается неизвестным, *кто* был инициатором проделки. Рассказчик обещает раскрыть секрет “ниже”, но: “... ниже об этом и нет ни слова, напротив, событие изложено совершенно „discret“, только кое-где шалунья истина лукаво проглядывает сквозь объективный рассказ”, – писал М. Гершензон. “Проглядывает” истина и в шутовском эпилоге, в котором Пушкин с нарочитой деликатностью уходит от всякой ясности:

Параша покраснелась или нет,  
Сказать вам не умею, (93)

и успокоительно заверяет читателей, что Мавруша исчезла, “не успев наделать важных бед”.

Лукавая манера рассказа, блестяще выдержанная от начала до конца истории, оказалась столь действенной, что даже некоторые “проницательные” читатели и критики были введены ею в заблуждение. “Непонятно, как критики и читатели не заметили, что мнимая кухарка – очевидно, любовник Параша, ею же умышленно введенный в дом”, – изумлялся М. Гершензон” [2, 141].

Именно в этой неустранимой двойственности интриги и кроется, можно предполагать, исток общей неоднозначности поэмы, ее неподатливости непротиворечивой интерпретации. Совершенно очевидно, что затея с переодеванием могла быть предпринята либо по инициативе Параша, либо по инициативе “Мавруши”. Из текста поэмы мы ничего не знаем о любовнике Параша, поэтому предположение, согласно которому гусар проник в дом, обманув и Парашу, не может быть сколько-нибудь убедительно подкреплено наблюдениями над текстом поэмы и постольку представляется несколько натянутым. В то же время, столь же поспешной выглядит уверенность М. Гершензона в том, что все дело в ловкости Параша: резонно звучат указания литературоведов на то, что сохранение двусмысленности ситуации, по всей вероятности, входила в планы автора. Поэтому, даже если согласиться с правдоподобностью догадки М. Гершензона, остается вопрос о причинах “забывчивости” поэта, так не пояснившего: отчего покраснела его героиня.

Если образ гусара дан легким намеком, то о Параше мы узнаем из текста поэмы несколько больше. И благодаря этому, можем предложить гипотезу, объясняющую смущение Параша, а также проливающую, с нашей точки зрения, свет на общий смысл поэмы “Домик в Коломне”.

Приведем стихи, послужившие нам отправной точкой в построении этой гипотезы:

..... Но дочь  
Была, ей-ей, прекрасная девица:  
Глаза и брови – темные как ночь,  
Сама бела, нежна, как голубица;  
В ней вкус был образованный. Она  
Читала сочиненья Эмина, (86)

Как видно, в круг чтения Параша не входили ни Торквато Тассо, ни автор Фобласа. Зато не требует, как видно из этого же фрагмента поэмы, специального доказательства тот факт, что Параше были известны романы Ф. А. Эмина, произведения которого, в самом деле, пользовались популярностью у читающей публики: “Эмин писал свои романы, ориентируясь на “всякого чина и звания людей”; книги его имели большой читательский успех и выходили повторными изданиями; с течением времени они все глубже уходили в толщу менее культурных читателей. Об Эмине иронически вспоминает Пушкин, характеризуя героиню “Домика в Коломне” [5, 259-260].

Мы полагаем, однако, что и в этом случае дело не исчерпывается “иронией” Пушкина. Обращение к творчеству Ф. А. Эмина открывает возможность сопоставления сюжета “Домика в Коломне” с романом-первенцем Эмина: “Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда”; первое его издание увидело свет в 1763 году.

Во втором томе “Непостоянной фортуны...”, на страницах, посвященных описанию злоключений Феридата, друга главного героя – Мирамонда, читаем: “В один день, идучи мимо дома нашего губернатора, увидел я нечаянно дочь его, которая, отворив окошко, кликала одного разнощика апельсины продающего. Тонкое лицо ее покрывало, под которым сокровенна была

наисовершеннейшая и дражайшая сего света красота, вдруг здул зефир, и казалось, будто он у меня спрашивал красивее ль Дейдамия Ахиллесова любезная, которая нежною своею страстию любимого своего, в число богов была включена, моею Адрианополитанской богини, которую он охлаждал от ослабляющего зноя?” [11, 122] (здесь и далее в цитатах из романа Ф. Эмина сохранена орфография оригинала. – О. Ч.).

Не настаивая на непосредственном сравнении фабульных моментов, тем не менее, отметим внятную перекличку этого эпизода из романа Эмина и полуоктавы из “Домика в Коломне”:

Дочь, между тем, весь обегала дом,  
То у окна, то на дворе мелькала,  
И кто бы ни проехал иль ни шёл,  
Всех успевала видеть (зоркий пол!). (87)

После краткого описания восточных особенностей взаимоотношений мужей и жен, Феридат рассказывает Мирамонду о своем замысле: “Естьли которая женщина придет к другой знакомой в гости, то муж тотчас из того покоя должен выти вон, оставя жену свою с гостькою, а по случаю и с гостем, что бы лица ее не видеть, и не доставить мужу ея новой свадьбы, на которую он может столько издержать денег, сколько ему понадобится, когда она чужой карман ведать будет, и как у нас никто женщины не спросит, куда она и зачем идет, ни остановит на дороге, ниже видя туфли ее у дверей (ибо в Турецкой земле, ежели кто к кому придет, то должен туфли за дверями оставить) в горницу войти не смеет, то догадливые молодцы наряжаются в женское платье, и покрыв лице свое яшмаком, так зовется покрывало, которым Турчанки лицо и голову покрывают) приходят к женщинам, коих мужья или сродственники, той же минуты вон выходят. Тогда они любовь свою им изъясняют, и плодом оной наслаждаются” [11, 127-128].

Феридат проникает к своей возлюбленной именно тем образом, какой, полагаем, Параша сочла вполне пригодным и для своего любовника: “Пошел я на гостиный двор и купил себе пару женскаго платья, потом покрыв покрывалом свою голову, которая между собой противящимся моим мыслям была оградою ... пришел я к дверям губернаторских покоев... Губернатор, увидя, что дама пришла в гости к его дочери ... бегом со двора побежал к другому своему соседу: тогда служанка Нарцызина впустила меня в сени и спрашивала, кто мне надобен я ей ответствовал что я пришла к госпоже Нарцызе с низжайшим моим почтением” [11, 128-129].

Мы считаем, что именно этот эпизод из второго тома романа Ф. А. Эмина “Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда” может служить основанием для гипотезы о том, кто был инициатором проделки с переодеванием. Скорее всего, это была идея начитанной Параша.

Эта рабочая гипотеза требует ее рассмотрения в контексте общей проблематики “Домика в Коломне”. С нашей точки зрения, движение к “морали” повести в стихах существенно корректируется учетом этого обстоятельства.

В научной литературе неоднократно отмечалось, что ближайшим поводом для написания поэмы стало ужесточение литературной полемики, сопровождавшееся усилением критики “беспредметного” искусства, в приверженности которому упрекали Пушкина некоторые современные ему литераторы. “Домик в Коломне” с его вызывающей финальной “моралью” мог показаться дерзкой отповедью педантам от литературы. Однако, с учетом обнаруженного нами обстоятельства, можно, как кажется, прийти к более содержательным выводам.

Подчеркнем: упоминание романа Ф. Эмина, с нашей точки зрения, не следует оценивать как пародийный выпад Пушкина. В данном случае непродуктивность поиска пародийных “отсылок” представляется особенно очевидной. Еще более неточной выглядела бы попытка трактовать смысл “Домика в Коломне” как критику литературных вкусов широкой публики – в лице Параша. На основании этого наблюдения можно предположить, что значительная доля смысла поэмы “Домик в Коломне” заключается в том, что перед читателем (критиком), требующим от поэзии назидания и поучения – разворачивается история извлечения из литературы именно урока: как провести в дом любовника под самым носом у домашних.

Неудача этого предприятия, вызванная известными причинами – результат *сопротивления самой жизни в ее простейших формах такому отношению к литературе*.

Пушкин отвечает начетчикам не трактатом о “чистом искусстве” – он дает блестящий мастер-класс, неотразимо убеждающий в том, что, навязывая поэзии цели, якобы сопрягающие ее содержание с реальной жизнью, горе-моралисты навязывают свои представления не поэту, а – самой жизни! Пушкин противопоставляет не различные литературные программы или стили, он демонстрирует художественными средствами неизбежный конфликт между человеком и искусством.

Суть этого конфликта состоит в том, что стремление извлечь из общения с литературой “полезные” обобщения столь же свойственно человеческой природе, сколь и обречено на неуспех

даже в таких простых ситуациях, как та, что обыграна в поэме – такова “мораль” “Домика в Коломне”.

Мораль, столь же строгая, сколь и не пригодная к “употреблению”.

### Примітки

- <sup>1</sup> “Домик в Коломне” цит. по изд.: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, 1837–1937: В 16 т. / Ред. комитет: М. Горький, Д. Д. Благой, С. М. Бонди, В. Д. Бонч-Бруевич, Г. О. Винокур, А. М. Деборин, П. И. Лебедев-Полянский, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский, Д. П. Якубович. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. – Т. 5. Поэмы, 1825–1833 / Ред. С. М. Бонди, Н. В. Измайлов, Б. М. Эйхенбаум, Д. П. Якубович; Общ. ред. С. М. Бонди. – 1948. – 513 с. В круглых скобках указан номер страницы.

### Список використаних джерел

1. Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина / П. В. Анненков. – М.: Современник, 1984. – 476 с.
2. Вольперт Л. И. Пушкинская Франция / Л. И. Вольперт. – Тарту, 2010. – 569 с.
3. Гершензон М. О. Мудрость Пушкина / М. О. Гершензон. – М.: Тов. “Книгоиздательство писателей в Москве”, 1919. – 233 с.
4. Дёмин А. О. Тассо / Пушкин: Исследования и материалы. – Т. XVIII/XIX: Пушкин и мировая литература. Материалы к Пушкинской энциклопедии”. / А. О. Дёмин РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – СПб.: Наука, 2004.
5. Западов А. В. Эмин / А. В. Западов // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. – Т. IV: Литература XVIII века. Ч. 2. – 1947. – С. 256–264.
6. Лебедева О. Б. История русской литературы XVIII века: Учебник / О. Б. Лебедева. М.: Высш. шк.: Изд. центр “Академия”, 2000. – 415 с.
7. Моисеева Г. Н., Стенник Ю. В. Литературно-общественное движение 1730-х – начала 1760-х годов. Становление классицизма / Г. Н. Моисеева, Стенник Ю. В. // История русской литературы: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980–1983. – Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. – 1980. – С. 571–626.
8. Рак В. Д. Итальянские впечатления Феридата (об одном источнике романа Ф. А. Эмина “Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда”) / В. Д. Рак // XVIII век. – Вып. 23. – СПб.: Наука, 2004. – С. 80–103.
9. Сидяков Л. С. Поэма “Домик в Коломне” и художественные искания Пушкина рубежа 30-х гг. / Л. С. Сидяков // Пушкинский сборник. – Псков, 1968.
10. Фомичев С. А. Пародийный план поэмы “Домик в Коломне” / С. А. Фомичев // Болд. чтения, [1979]. – Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1980. – С. 74–80.
11. Эмин Ф. А. Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда / Ф. А. Эмин. – Санкт-Петербург [Тип. Сухопут. кадет. корпуса] 1763. – Т. 2. – 340 с.

*Summary.* The article is devoted to the analysis of one of the key episodes of A. S. Pushkin’s poem “Домик в Коломне”. On the basis of studying of the text of F. A. Emin’s novel “Необычайное похождение Мирамонда” the hypothesis according to which the behavior of the main heroine “Домик в Коломне” can be explained by her familiarity Emin’s novel. The text of the poem directly indicates this fact.

*Key words:* reader’s experience, interpretation, the reader as a character of the novel, allusion, reminiscence.